

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Чекистский невод / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-205559-1

Начало восьмидесятых. Советская контрразведка получает сообщение о появлении в Крыму группы диверсантов. Майор КГБ Михаил Кольцов уверен: противника интересует расположенный на полуострове секретный военный «Объект-220». В качестве сообщника агентов оперативники подозревают ученого Родиона Белецкого, работающего на «объекте». В его столе найдена крупная сумма денег, он тайно встречается с иностранцами, ведет себя подозрительно... В конце концов доведенный до отчаяния Белецкий кончает жизнь самоубийством, бросившись в воду с обрыва. Однако майор Кольцов подозревает, что это происшествие — всего лишь хитроумное прикрытие основной цели операции, и решающая схватка с противником еще впереди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205559-1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Луч прожектора вспорол темноту. Размеренно вздымалось море. Небольшое рыболовецкое судно водоизмещением в сорок тонн скользило по волнам. Наперерез спешил катер пограничной службы «Гриф» проекта 1400 — с хищными обводами, бронированной надстройкой. Пулеметчик на носу припал к спаренной установке. Справа, слева тоже вспыхивали огни — подходили другие суда.

— Остановиться, застопорить винты! — ревел громкоговоритель. — Вы находитесь в территориальных водах СССР, немедленно прекратить движение!

Приказ дублировался по-английски. На мачте судна-нарушителя развевался турецкий флажок. На вид обычная рыбацкая шхуна — такие сотнями бороздят Черное море, добывают сельдь, ставриду, кефаль. Бывает, что и в чужие воды случайно заходят. Но эти подошли уж чересчур близко — берег виден невооруженным глазом! Турецкое судно сбавило обороты, стало замедлять движение. Подошли еще

два катера, встали в отдалении. Нарушитель попал в перекрестье прожекторов. По палубе бегали люди, эмоционально выражались. Трясся трап, из капитанской рубки скатился на палубу член команды, куртка которого была растегнута, застыл у леера. Пограничный катер приблизился к судну левым бортом, механик заглушил дизель. От толчка человек у леера чуть не покатился по палубе. На борт стали перепрыгивать советские пограничники, они передергивали затворы автоматов. Бородатый субъект в куртке что-то испуганно лопотал на ломаном русском: дескать, не хотели, заблудились, отказали приборы, мы мирные люди...

— Мирные они, держи карман шире, — ворчал коренастый мичман. — Врут они все, товарищ капитан. Совсем охренели — еще миля, и в берег бы ткнулись...

Турецкий капитан растерянно разводил руками, приводил смешные аргументы. Командир советского судна угрюмо его разглядывал. Угрозы государственному суверенитету тот не представлял. Как и члены его команды, которых выгнали на палубу. Разношерстная публика жалась в кучку, кто-то со сна тер глаза, оскорбительных выкриков себе не позволяли. Пограничники держали команду на прицеле. Двое поднялись в надстройку, остальные прошли по судну, спустились в трюм, светя фонарями. Холодильные агрегаты были забиты ставридой. Пронзительно пахло рыбой. Отсеки для членов команды, крохот-

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

ный камбуз со специфическими ароматами — этим людям следовало бы поучиться гигиене. Судно осмотрели за пять минут, мичман доложил: все чисто. Возбужденный бородатый турок, стал энергично жестикулировать: ошибка, говорим же, мы любим Советский Союз, мир, май...

— Вы еще политического убежища попросите, — проворчал капитан. — Пролетарии, мать вашу...

С этим судном явно что-то было не так. Турки скалились вроде беззлобно, но как-то с ехидцей. С приборами навигации, как доложил мичман, все в порядке, пусть не свистят, что отказали. Чего тогда надо? Рыбку на халяву половить? Нейтральных вод уже не хватает?

— В общем, так, уважаемый, — капитан сурово сдвинул брови, — вас в гости не звали. Убедительная просьба не делать вид, будто плохо понимаете по-русски. Ваше судно отбуксируют в ближайший советский порт — вместе с командой и всем содержимым. Там и разберутся, еще раз проведут обыск, конфискуют незаконный улов. И не надо возмущаться, вы нарушили границу суверенного государства. Знаете, что за это полагается... Прохоров, бери пятерых, оставайтесь на шхуне. Команду запереть, а этого эфенди, — он смерил ироничным взглядом недовольного турка, — так и быть, на мостик. Работаем, мужики, работаем, — заторопил подчиненных капитан. — Пусть чекисты разбираются, что за фрукты с дерева свалились. А то обнаглели уже совсем...

На судне началась суэта. Члены команды демонстрировали свой жаркий южный темперамент. Пограничники спустили их в трюм, самых недовольных подталкивали прикладами. На что они рассчитывали? Что им ковровую дорожку расстелют до ближайшего турецкого порта? Капитана судна-нарушителя подняли в рубку, обеспечив охраной. Заработал двигатель. Пограничники перебирались на свой катер. Враг не прошел, граница на замке. Отправились по своим маршрутам остальные суда. Катера проекта 1400 развивали скорость в 35 узлов — вполне достаточную, чтобы угнаться за нарушителями на небольших судах. Рыболовецкая шхуна пристроилась в кильватер «пограничнику», потащила за ним на восток, как собака на привязи. Последние новости разлетались по эфиру. Пограничники действовали по инструкциям, и турецких рыбаков поджидала непростая неделя — вдали от родины, без заработка, зато на территории первого в мире социалистического государства...

Задумка удалась — внимание береговой охраны переключилось. Компактная подводная лодка пересекла курс пограничников и подкралась к берегу. Глубина на этом участке была впечатляющей. Гряда каменных островов осталась сзади. По курсу возвышался высокий скалистый берег. Монолиты вырастали из воды, формируя отвесную стену. Умеренная волна с утробным гулом набегала на камень,

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

словно билась в закрытую дверь, шипя, отступала. На западе, за каменистой грядой, примерно в восьми километрах, начиналась Балаклава, правее — поселок городского типа Охранное. Местность казалась безлюдной. Дороги отсутствовали, пейзаж был уныл, а спуститься к воде можно было лишь в одном месте — под скалой белел пятачок суши, усеянный камнями. Наверх, сквозь расщелину, вилась тропа, огибая остроугольные выступы. Луна не показывалась, дул освежающий ветерок. Жаркие июльские дни на полуострове сменялись прохладными ночами, облака затягивали небо от горизонта до горизонта. Утром хмарь рассеивалась, дни были знойными. Метрах в тридцати от отвесного берега забурлила вода, показалась рубка небольшой подводной лодки. Открылся люк, в нем возникла голова.

Безлюдье оказалось обманчивым. Двое молодых людей самозабвенно целовались на краю обрыва. Они сидели на плоском валуне, тела сплелись, и поцелуй был жаркий, страстный, сопровождающийся прерывистым дыханием.

— Все, Максимушка, все... — Девушка отстранилась от парня. — До греха дойдем, а я пока не готова...

— Прости, Оленька, увлекся... — Молодой человек с разочарованным видом выдохнул, и рука, уже готовая прогуляться по женской груди, вернулась на талию. Оба тяжело дышали, оторвавшись друг от друга, теперь юноша просто обнимал свою девушку

за плечи. Он был высок, хорошо развит — до поступления в вуз отслужил в Советской армии. Стричься после дембеля не любил, густые волосы обрамляли скуластое лицо. Девушка была хрупкой, невысокой, но все свойственные хорошей фигуре достоинства находились при ней. Матово отливали каштановые волосы, поблескивали выразительные глаза. Влюбленные носили стройотрядовские штормовки. Несколько минут они сидели неподвижно, наслаждались уединением. Сзади пролегла балка, заваленная камнями, за ней шел разреженный лесной массив. Еще дальше — величественная горная гряда, одна из трех цепей, отделяющих курортный Крым от степного. Под ногами колыхалось море — огромное, волнующее. Ночью оно казалось зловещим. Но даже в темноте от него было трудно оторваться. Под скалой шумел прибой, накатывались волны. Слева в нескольких шагах проходил разлом — он круто спускался к воде. Парень обернулся — у него на душе вдруг стало беспокойно. Сушу окутал непроницаемый мрак.

— Угомонился яростный стройотряд? — прошептала Ольга. — Нам тоже скоро надо идти, зябко становится.

— А как же романтика? — улыбнулся юноша и прижал к себе избранницу.

— А романтика будет, когда телятник достроите, — прыснула девушка. — Но мне что-то подсказывает, что такими темпами вы его и к следующему веку

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

не достроите. Мало обязательств принимали... — Она замолчала, трудно говорить, когда тебя целуют. Не сопротивлялась, обвила тонкой рукой шею своего возлюбленного.

Стройотряд из города Воронежа дислоцировался в старом бараке на краю Охранного. Вечером развели костер на пустыре, звучала гитара, парни периодически отлучались «за угол», что-то у них там звенело, возвращались повеселевшие, и запашок от них истекал сомнительный. Максим в этих отлучках не участвовал. Все пошли спать, а они с Ольгой остались у костра, потом прошлись краем леса и расположились на обрыве. Здесь никто не мог им помешать.

Опять увлеклись. Паренек давал волю рукам, и в какой-то момент девушка забыла, что нужно сопротивляться. Все же опомнилась, шутливо оттолкнула от себя неумолимого юношу. Внезапно Ольга насторожилась, вытянула шею. Парень не сразу понял, что не так, по инерции потянулся к своей сокурснице, от которой просто сходил с ума!

— Подожди, не могу понять... — прошептала Ольга.

У берега что-то происходило. Образовался крохотный островок, которого не было раньше. В голову не пришло, что это рубка подводной лодки. Рубка выросла, показалась верхняя часть судна. На борту кто-то возился. Девушка вглядывалась в темноту пока без страха, только с удивлением. Максим тоже смотрел туда же. Глухо работал электрический насос.

Появилась надувная лодка, в нее перебрались четверо. Замелькали весла, суденышко подалось к берегу и быстро пропало из виду. Прошло от силы секунд двадцать, лодка появилась снова. Теперь на борту находился один человек. В несколько гребков он достиг судна, ему помогли затащить плавсредство на борт. Воздух выходил из лодки стремительно, она быстро сдулась. Пропали силуэты людей в недрах субмарины. Влюбленные смотрели как зачарованные и ровным счетом ничего не понимали. Рубка ушла под воду. Несколько мгновений, и на воде не осталось даже кругов.

— И что это было? — прошептала девушка, сбрасывая оцепенение.

— Так надо, — отозвался Максим. Даже он, вполне взрослый, отслуживший в войсках, был далек от мысли о чем-то незаконном. Все это оставалось уделом кинематографа и развлекательной литературы.

— Кому надо? — не поняла Ольга.

— Ну, не знаю. — Максим смутился. — Но раз такое происходит, значит, кому-то это надо?

— Ты просто мастер объяснять, — похвалила девушка. — Слушай, нам, наверное, пора. Давай пойдем, а? А то как-то не по себе становится...

Трусом Максим не был, но по его коже поползли мурашки. Он понял, что там было, ну и что? Наша лодка, советская, чья же еще? Миллион причин, почему она всплывала. Но стало тревожно. И люди, сошедшие на берег, вряд ли остались внизу. Рядом

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

тропа, он знал. Максим колебался, не хотелось выглядеть перед девушкой малодушным. А мог бы догадаться, что подвергает опасности не только себя! Время бездарно упустили, а люди поднялись быстро. Максим начал вставать — и вдруг застыл, положил руку Ольге на плечо. Предательский холодок закрался под кожу. Поскрипывала глина под ногами, люди тяжело дышали. Различались глухие голоса — говорили по-русски. Потом беседа оборвалась, но компания продолжала шествие. Дернулась Ольга — Максим усилил нажим на плечо, опустился обратно на камень. С охватившим его страхом невозможно было справиться. Хорошенькое же дельце... Ольга хотела что-то сказать — он зажал ей рот. Девушка сделала большие глаза, застыла.

— Пусть пройдут, сиди тихо, — прошептал он.

Ольга судорожно кивнула. Максим, поколебавшись, отнял руку от ее рта. Они сидели затаив дыхание. Ей-богу, смешно. Слева покачивались силуэты. Незнакомцы одолели подъем, отдуваясь, пошли дальше. От тропы студентов отделял куцый кустарник. Не бог весть какая защита, но все же... По сторонам эти трое не смотрели. Они проходили мимо, одетые во что-то бесформенное, длиннополое, на головах капюшоны, за плечами рюкзаки. Видимо, туристы. Просто средство доставки к месту отдыха выбрали необычное... Они почти прошли — вдруг стала подниматься Ольга. Зачем? Девушка дрожала, ей передавался страх парня. Решила, что уже мож-

но. Максим не уследил — она подскочила, подалась вбок — там был склон с камнями, за ним — густые заросли. Максим схватил Ольгу за плечо, но девушка вырвалась. И вдруг ойкнула, подвернув ногу на ровном месте! Жар ударил в голову, да что уж теперь... Он подхватил свою любимую под локоть, резко повернулся.

Незнакомцы встали. Их силуэты колебались во мраке, вместо лиц — черные дыры. Но какие-то лица там, очевидно, были, парень чувствовал, как их ощупывают глаза.

— Доброй ночи... — неуверенно произнес Максим.

Ольга молчала, сидя на корточках и растирая подвернутую голень. Ответного приветствия не дождалась, двое из трех начали движение, ускорились, а третий остался на месте и вертел головой.

— Эй, вы чего? — Максим попятился. Ахнула спутница. — Беги! — Он толкнул ее.

Ольгу отнесло, словно ветром. Парень встал в стойку. В армии обучали основам рукопашного боя. Заработали кулаки. Двое сменили направление, стали заходить с боков. Их лица прятались под капюшонами. Тот, что справа, махнул кулаком. Максим отбил удар, перешел в атаку, врезал противнику под дых. Мужчина отпрянул, глухо выругался. Второй был где-то слева. Максим отбил ногой — и тот попятился, не стал нападать. Активизировался первый, ударил в скулу, но вроде вскользь, Максим провел

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

ответный удар. Противник заработал обеими руками — юноша их перехватил, сжал в запястьях. Оба тужились, соперник пытался вырваться, Максим не отпускал. Пот хлестал градом, в глазах потемнело, а в душу забралась пещерная тоска. Второй неторопливо подошел сзади, блеснула сталь в руке. Лезвие вошло под ребро, как нож в масло. Максим закричал от боли. Руки разжались, соперник отступил. Нож вышел из тела, вонзился снова, потом еще, резал, вспарывая плоть. После каждого удара Максим вздрагивал, сознание его меркло. Последняя связная мысль: «Хоть бы Ольга убежала!» — но и та оборвалась, подкосились ноги...

Убийца нагнулся, вытер нож о полу студенческой штормовки. Стал смотреть в глаза умирающему. Глаза парня стекленели, тело конвульсивно вздрагивало.

Ольга бежала, не замечая боли в подвернутой ноге. Гнал животный ужас. За спиной рычал Максим, дрался, как лев, за свою девушку. Ольга не выдержала, обернулась и заметила, как третья личность, не принимавшая участия в драке, кинулась за ней. Девушка споткнулась, покатила на дно балки, ударяясь о камни, визжа от страха и боли. Обувь сегодня явно была не спортивная. Ее догоняли, незнакомец летел, как реактивный. Ольга поднялась, бросилась дальше, снова неизвестно зачем обернулась. Теперь, упав, она покатила, как полено, захлебываясь собственными криками, темный мир завертелся перед глазами. Она докатилась до дна оврага, ударилась

виском о вросший в грунт камень. Боли уже не чувствовала. Осталась лежать, разбросав руки и с вывернутой головой.

Подбежал человек, присел на корточки, включил фонарь. Лицо пострадавшей было залито кровью, искажено страхом. Из раскроенного черепа вытекала кровавая масса, которая пузырилась. Струйка крови стекала по губам. Представшая картина вполне незнакомца удовлетворила. Он выключил фонарь и рысью припустил обратно. Трое встретились наверху, обменялись лаконичными фразами. Беседа не затянулась — двинулись дальше, пересекли низину и вошли в заросли...

— Вот и договорились, Михаил Андреевич. — Грузный и практически безволосый полковник Науменко протянул руку. — Как говорится, добро пожаловать в Крым. Пропуск в режимную зону у вас есть, кабинет займете справа в конце коридора, сотрудников пришлю, транспорт выделим, все необходимое содействие окажем... Вы уверены, что хотите жить в гостинице? Можем выделить отдельное жилище в ведомственном доме на улице Красина. Там, конечно, не роскошные апартаменты, но...

— Спасибо, Василий Петрович, меня устроит гостиница. — Кольцов пожал протянутую руку. Пошутил напоследок: — Поближе к народу, так сказать.

Он покинул кабинет начальника районного отделения КГБ, прошел в конец коридора, задержался

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

у открытого окна. Достал сигареты, глянул по сторонам. Вроде курили везде, уборщицы офицеров госбезопасности не гоняли. Что и подтвердила баночка с окурками на подоконнике. Над полуостровом распростерся обширный антициклон, солнце жарило, как в печке. Температура днем доходила до плюс 35, дождей не было целую вечность. Для сухих субтропиков ничего удивительного. И местные жители не удивлялись. Для человека же из средней полосы — сущий ад. Особенно если приехал не отдохнуть, а работать.

В этой парной не стоило делать лишних движений — сразу намокала спина. Пиджак давно переключевал на предплечье. За окном размеренно жила и работала Балаклава — в принципе, город, хотя и административно, — один из районов Севастополя. То, что населенные пункты разделяли километры пустого пространства, никого не смущало. Крыши невысоких строений спускались по уступам к правому берегу знаменитой Балаклавской бухты. Город был небольшой, максимум тридцать тысяч населения. В нем не отдыхали, несмотря на красоту природы, — в нем работали. Экскурсионные группы иногда приезжали, гиды быстро проводили туристов по достопримечательностям, которые разрешено посещать, сажали в автобусы и увозили. Севастополь, включая Балаклаву, был режимным городом, действовала пропускная система, и рядовым гражданам въезд был заказан. В Севастополе располагалась база Черноморского

флота, в Балаклаве — база по ремонту и обслуживанию подводных лодок. Отливала бирюзой морская вода в бухте — из окна она частично просматривалась. Местная бухта была уникальным природным явлением. Окруженная высокими берегами шириной в триста метров, она круто извивалась, вгрызаясь в сушу. Какой бы шторм ни свирепствовал на море — в бухте даже ряби не было. И с моря никто не видел, что происходит в бухте. Глубокая — до 17 метров, она во все века привлекала флотоводцев. Здесь стояли генуэзцы, построившие крепость; стояли корабли российского императорского флота, военные суда Советского Союза — в основном небольшие, вследствие малой ширины бухты. Из окна управления виднелась величественная гора на дальнем берегу бухты. Это была не просто гора. В 1950-е годы внутри ее велось активное строительство, работала тяжелая техника, вывозились тысячи тонн горной породы. И сейчас внутри горы размещалась база ВМФ. Сквозные каналы с выходом в открытое море, сухие ремонтные доки, мастерские, склады, арсеналы, подземные (а фактически, подгорные) пристани. Во время атомной атаки в горе мог укрыться практически весь подводный флот региона. Гора выдерживала любое попадание. Шлюзы, противоатомные двери надежно защищали то, что находилось внутри горы. Действовал режим секретности. Именно по этой причине в далекие 1950-е город сделали закрытым, а для удобства управления объединили с Севастополем...

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

Вид на Балаклаву открывался живописный. На левом берегу бухты построек было немного, там властвовала ГОРА. Городские строения теснились на правом берегу, тянулись по склону, заполняли пустоты между возвышенностями. Не сказать что город кишел людьми — чужаки практически отсутствовали. Работали режимные предприятия, коммунальные службы. По зеркальной глади бухты плыли лодочки.

Михаил затушил окурок, оторвался от подоконника и вошел в кабинет, выделенный начальством командированному из столицы офицеру. Кабинет был небольшой, окно выходило на задний двор. С живописным видом здесь были проблемы. Порядок к его приезду, в принципе, навели — помыли полы, вытерли пыль. Первым делом Михаил открыл окно. На отрывном календаре значилось 12 июля 1983 года. Как давно это было... Михаил задумчиво отрывал листы, дошел до текущей даты, остановился. 27 июля, среда. Пик лета в данной части земли. Сел за стол, задумался. Цель командировки не отличалась конкретикой, все было размыто, туманно, из разряда «пойди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что». А значит, он мог застрять в этом благословенном уголке мира. Членов группы Кольцов оставил в Москве, хватит в Крыму и одного бездельника. Сотрудники расстроились: бог с ней, с жарой, Крым, как-никак... «Ничего, Михаил Андреевич, мы вас дождемся, померзнем в Москве, не привыкать, — вздыхал Вадик Москвин. — Вы

уж возвращайтесь когда-нибудь». — «Будьте осторожны, товарищ майор, — предупреждал Григорий Вишневский. — Юг — разлагает. Сколько наших там уже полегло. Солнце, женщины, алкоголь, азартные игры... Жалко, что вы едете один и уже не выйдет как раньше...» — «А раньше — это как? — скалился Алексей Швец. — Группой лиц по предварительному сговору?» Сотрудники шутили из последних сил: дескать, привозить ничего не надо, так, пару анекдотов да вон Григорию — сушеную медузу. «Обязательно попробуйте рапанов, — советовала секретарь полковника Рылеева. — Сама не ела, поэтому не знаю, о чем говорю, но те, кто пробовал, были на седьмом небе от счастья». Что-то неуловимо менялось в стране, сквозил подозрительный ветерок, люди становились другими, позволяли себе то, что раньше не могли позволить. Хорошо это или плохо, сказать было трудно. Юрий Владимирович Андропов пошел на повышение, возглавил страну. Комитетом теперь руководил Федорчук Виталий Васильевич, и мнение об этом человеке никак не составлялось. Но люди продолжали работать, выполняли поставленные партией и правительством задачи...

В Симферополь он прибыл вчера — к завершению дня. Рейсы «Аэрофлота» составлялись довольно бестолково. У выхода из аэровокзала встретили, доставили в гостиницу — как он и просил. Местный «постоялый двор» назывался «Аквамарин» — с виду обычный короб из силикатного кирпича, укра-

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

шенный азалией и лавром. При входе в гостиницу ощутимо пахло лавровым листом, который советские домохозяйки щедро бросают в суп. Документы оформили заранее, имелись все допуски и разрешения. Администратор гостиницы уже бормотал про отсутствие свободных мест, но передумал, увидев удостоверение. Номер находился на втором этаже — с балконом, со всеми удобствами, если не замечать, что вместо горячей воды идет теплая. Знающие люди предупредили: данное обстоятельство — обычное для полуострова дело. Напротив гостиницы — парк, на первом этаже столовая и примкнувший к ней кафе-терий с барной стойкой. До места несения службы — десять минут ленивой ходьбы...

Неизвестно, как с женщинами и азартными играми, но жара разлагала. Мозги, казалось, кипели и плавилась. «У вас тут купаются?» — спросил он прошлым вечером у портье. «В основном под душем, — ответил работник гостиницы. — Купаться в бухте запрещено, а к морю в городской черте не выйдете — берег обрывистый и пляжей нет. Надо садиться на автобус и ехать — пятнадцать-двадцать минут. Зато красоты гарантируются, пляжи очень красивые: Изумрудный, Яшмовый, Мраморный...»

Он изучал карту юго-западной части полуострова, когда в дверь вежливо постучали и вторглись двое. Видимо, те самые компетентные лица, которых обещал подкинуть Науменко. Офицеры были в штатском — и ничего удивительного, в форме здесь не

ходили. Одному из них было под сорок, лысоватый, худощавый, с маловыразительным лицом — из тех, которым незачем предъявлять удостоверение, и так понятно, кем он работает. Коллега — молодой, выглядел более «человечно» — темноволосый, с живыми глазами. Посетители замялись на пороге, разглядывали своего временного начальника.

— Вы от Ивана Ивановича? — пошутил Кольцов, поднимаясь и протягивая руку. — Давайте знакомиться, товарищи.

— Николай Косых, — представился лысоватый. — Капитан госбезопасности. — Вопреки внешности, у него был выразительный запоминающийся голос. — Приятно познакомиться, товарищ майор.

— Ивашов Матвей, — представился молодой товарищ. — Старший лейтенант. С приездом, товарищ майор. — В лице и манере старлея читалось что-то легкомысленное, но глаза смотрели внимательно.

— Спасибо, — кивнул Михаил. — Присаживайтесь... Кратко о себе. Кольцов Михаил Андреевич, майор. Место постоянной службы: город Москва, центральный аппарат, Шестое управление. Женат... вернее, не совсем. — Он поколебался, но не стал продолжать. Присутствующие деликатно помалкивали. — Но это неважно. Сами местные, товарищи?

— Начинал в Луганске, — сказал Косых. — Переведен в Севастополь четыре года назад. Есть жена, ребенок, прописан и проживаю на улице Щорса — это в пятнадцати минутах от отдела.

ЧЕКИСТСКИЙ НЕВОД

— Местный, — лаконично отчитался Ивашов. — Армия, институт, получил предложение трудоустроиться в органы... Жили с матерью в Севастополе на Северной стороне, улица Седова, потом там частные дома стали сносить, переехали в Балаклаву.

— Женат?

— Чего я там не видел, — фыркнул парень и смутился. — Никак нет, товарищ майор, считаю, что женьтиба никуда не денется.

— Не смотрите, что он молодой и весь такой... — порадел за коллегу Косых и сделал витиеватый жест. — Работник ответственный и сознательный. Болтать точно не будет.

— Спасибо, Николай Иванович, — хмыкнул Матвей. — Можно я как-нибудь сам?

Против молодежи Кольцов не возражал — все были молодыми. Но предпочитал молодежь талантливую и работоспособную.

— Впервые в Крыму, товарищ майор? — спросил Косых.

— Нет, конечно. Но всегда приезжал с целью отдыха. В основном — Ялта, Коктебель, Ливадия. В Севастополе и Балаклаве ни разу не был... За работу, товарищи? — Он смерил присутствующих испытующим взглядом. — Или еще поговорим?

— Мы готовы, — кивнул Косых.

— Отлично. К цели моего приезда. Резидентура Первого главного управления в Лэнгли... если кто не знает, это штаб-квартира ЦРУ — получила раз-